

Гермиона нервно облизнула губы и перевела взгляд на Тонкс. Она попыталась представить Нимфадору стоящей над Долоховым, пока тот корчится на полу камеры, крича в агонии между её вопросами. И не смогла этого сделать. Она вообще не смогла вообразить, как Тонкс будет использовать Круциатус.

— Она не хочет этого делать, — ответила Гермиона.

Он пожал плечами.

— Что ещё?

Всё ещё пристально глядя на Тонкс, Гермиона ответила:

— Сначала она испробует все прочие варианты..

— Ну, не совсем, — перебила её Тонкс. — У авроров есть собственная, отработанная методология, не настолько жестокая, — она потянулась и размяла руки. — Я бы начала с Конфундуса совместно с Имперкусом на Биксли, перед чем какое-то время не давала бы ему спать. Возможно, пришлось бы применить немного физического воздействия. Этого должно хватить, чтобы получить от него информацию, — губы Тонкс слегка изогнулись в еле уловимой улыбке. — Он и так выглядит напуганным.

Гермиона думала, что её глаза сейчас вывалятся из орбит. Была ли Тонкс совершенно честна, когда говорила, что не хочет пытать Пожирателей смерти? С другой стороны, она вспомнила извращённое чувство удовлетворения, когда на третьем курсе она сама ударила Малфоя. И когда натравила этих мерзких птиц на Рона. И когда держала Риту Скитер в банке. И когда у Мариэтты Эджкомб появились фурункулы. И когда Амбридж...

Гермиона поняла, что была лицемеркой. Это так по-человечески — получать удовольствие, что причиняешь боль тому, кто причинил её тебе.

— Значит, ты не будешь использовать Круциатус, — сказала она, чувствуя себя немного лучше.

— Биксли не сидел двадцать лет в Азкабана, сломать его будет легче, — вздохнула Тонкс. — Для Долохова потребуются методы посерьёзнее. Можно, конечно, подождать, пока зелье выведется из его организма.

Последняя фраза прозвучала с сомнением. Гермиона тоже не надеялась на это. Если уж Волдеморт приложил столько усилий, чтобы сделать Веритасерум бесполезным, он добился бы постоянного эффекта.

— А если нет? — спросила она.

— Тогда — Круциатус, — ответила Тонкс, несколько раз моргнув.

— Но ведь для этого нужно ненавидеть и желать причинить боль — совсем как они?

Для Круциатуса требовалась неподдельная ненависть. Та, которая исходит из глубин души. И только тогда можно направить эту ненависть в заклинание.

— Гермиона, — с любопытством спросил Римус. — Ты кого-нибудь ненавидишь?

Она вспомнила, как Римус пытался убить Питера Петтигрю в Воющей хижине. Он точно был способен на ненависть.

И тут она поняла, что так бы он и сделал: направил бы свою ненависть через сердцевину волшебной палочки, если бы Гарри его не остановил. Сириус сбежал из Азкабана именно с этой целью. Чтобы вложить свою ненависть в Аваду Кедавуру.

Но Гермиона никого не ненавидела. Ну... может быть, Амбридж. Она поразмыслила ещё немного. Определённо, Амбридж. И Риту Скитер. Да, она их ненавидела. Но она никогда бы не смогла наложить на них Круциатус. Даже у Гарри не получилось, когда он хотел проклясть Беллатрису в Отделе Тайн, хотя это было сразу после того, как она убила Сириуса. И он ненавидел Беллатрису сильнее, чем Гермиона ненавидела Амбридж или Скитер.

— Да, — ответила она. — Но я не хочу применять к ним Круциатус.

Римус положил руку ей на плечо.

— Ненависть — это не то же самое, что желание причинить кому-то вред.

Гермиона задумалась. Римус был прав, но он так говорил только потому, что пытался оправдать пытки. Вот для чего весь этот разговор. Но пытаться — всё равно неправильно. Была же причина, по которой их назвали Непростительными заклинаниями. Не просто же так человека отправляли в Азкабан за их использование.

— Но это зло, — теперь она почти умоляла их. — Может быть, просто не пытаться Долохова? Мы не такие. Мы можем найти другой способ. Мы можем работать только с Биксли. Может быть, от Долохова не будет пользы, если удастся всё узнать у Биксли и без Круциатуса? Должен быть другой способ, мы просто ещё не нашли его.

На этот раз Тонкс полностью повернулась к ней.

— Если у Долохова есть информация, которая поможет нам выиграть войну, а пытки — единственный способ вытянуть всё из него, то что бы ты сделала?

Тонкс позволила ей побывать на месте того, кто должен делать выбор. Вот что значит быть частью Совета Ордена. Приходится брать на себя ответственность за трудные решения, чтобы другим не пришлось этого делать. Именно такие решения, как это. Пойдёт ли Орден по пути жёстких методов и Непростительных заклинаний? Что о них скажут потомки? Как напишут в учебниках по Истории магии?

Она вспомнила о Гарри и Роне. Как бы Рон ни относился к Долохову, она была уверена, что он никогда не поддержит использование Круциатуса. Они же та сторона, которая олицетворяет добро. Гарри бы тоже не стал этого делать.

— Я бы просто не стала этого делать. Нас определяет то, какие решения мы принимаем в трудных ситуациях, — Гермиона повысила голос, чуть более уверенная в себе. — Мы должны идти правильным путём. Так бы поступил Дамблдор.

— Даже если другого пути нет? — уточнила Тонкс.

— Даже если другого пути нет.

Тонкс склонила голову набок.

— Ты знала, что во время Первой Магической войны аврорам разрешили использовать Непростительные заклинания? — Гермиона отрицательно покачала головой. — И мы тоже начали их практиковать несколько лет назад. Иногда они были необходимы, особенно Имперкус. Но ими не следует злоупотреблять.

Гермиона недоверчиво взглянула на неё. За месяц их знакомства Тонкс завоевала авторитет в её глазах. Но Министерство в целом не было образцом этики. Возможно, работа там оказала на неё такое влияние, что теперь и она была готова использовать Непростительные заклинания. Да Тонкс уже применяла их! Теперь по ходу разговора Гермиона утвердилась в мысли, что именно Тонкс убедила Римуса, что Орден должен использовать Непростительные, а не наоборот, как она первоначально предположила.

Она в очередной раз была ошеломлена.

Кем была эта женщина, которая ради забавы меняла цвет волос? Она ведь совсем недавно подбадривала Гермиону, изображая утконоса.

Знала ли она Тонкс на самом деле?

— Всё равно это неправильно, — возразила Гермиона. — То, что Министерство разрешило аврорам использовать их, не означает, что мы должны это делать. Министерство делает много всего, с чем я не согласна, и всегда делало, даже до прихода Сами-Знаете-Кого.

Римус усмехнулся её комментарию, и Тонкс тоже улыбнулась.

— Что, если мы проиграем войну из-за решения не пытаться заключённых? — Тонкс знала, какой вопрос нужно задать. — Многие люди будут убиты, а остальные попадут в рабство или подвергнутся гонениям и геноциду. Он установит режим, в котором будет править страх. Что, если твой «правильный путь» приведёт множество людей к пыткам, смерти и рабству? Помни, это твой выбор. И вот какие у него могут быть последствия. Ты обрекаешь всех.

Гермиона громко сглотнула от тяжести решения и от той ответственности, которую только что на неё возложила Тонкс. Она просила Гермиону на мгновение поставить себя на её место. Что, если бы это было результатом её решения? Придерживаясь правильного пути, Орден может проиграть. И если всё сложится именно так, то все смерти и другие ужасные последствия будут на её руках, потому что это её решение.

— Итак, всё сводится к тому, что это меньшее из двух зол? — спросила Гермиона. Она не могла спорить с этой логикой, какой бы жестокой та ни была. Это настоящая война. И последствия будут реальными. Это не просто философские вопросы. — Я... Я согласна с тобой, — шокировано пролепетала Гермиона. — Теперь я поняла. Просто... мне это всё ещё кажется неправильным.

Гермиона вспомнила Пожирателей смерти, которых поразила заклинанием, когда они с Кингсли мчались на фэстрале. Те разбились насмерть, упав со своих мётел. Она убила их не преднамеренно, ей пришлось бороться за свою жизнь. И ещё она не видела, как они умерли, когда упали. Тем не менее они умерли.

Гермиона была убийцей. Она уже убила двух человек, а война только началась.

Продолжение следует...

А пока поставь лайк и поддержи книгу 5 звездами!

<http://erolate.com/book/4132/120172>